

Данилова Наталия Ксенофонтовна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора этнографии народов
Северо-Востока России
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

**ВОДНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ДУХОВНЫЙ УНИВЕРСУМ
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ НАРОДА САХА) [1]**

Аннотация:

В статье через призму мировоззренческих представлений якутов рассматриваются водные объекты как доминантные символы пространства. Отмечено универсальное значение и амбивалентность воды в народных культурах: вода выступает как жизненное начало всего сущего, но в то же время имеет семантическую связь с загробным миром. Исследуются понятия «море», «озеро», «река», описаны некоторые обычаи, обряды, ритуалы, символика, мифы народа саха.

Ключевые слова:

ландшафт, народ саха, традиционное мировоззрение, сакральная топография, водные экосистемы, символика, картина мира.

Danilova Natalia Ksenofontovna

PhD in History, Research Associate,
Department for Ethnography of
Northeastern Peoples of Russia,
Institute for the Humanities
and the North Indigenous Nations Studies,
Russian Academy of Sciences

**AQUATIC ECOSYSTEMS:
SPATIAL REPRESENTATION OF
SPIRITUAL UNIVERSE
(STUDY OF ETHNOGRAPHIC
MATERIALS OF SAKHA PEOPLE) [1]**

Summary:

This article considers the water bodies as dominant symbols of the space from the perspective of Yakuts' world outlook beliefs. The author notes the universal value and the ambivalence of the water in folk cultures: the water acts as a vital source of all things, but at the same time it has a semantic connection with the afterworld. The paper investigates the concept of "sea", "lake", "river", describes some customs, ceremonies, rituals, symbols, myths of the Sakha people.

Keywords:

landscape, people of Sakha, traditional world outlook, sacral topography, aquatic ecosystems, symbolism, world view.

Духовный универсум водной стихии выступает как особый текст культуры, где каждый элемент культуры (язык, фольклор, мифология, ритуал) организует особое знаковое пространство. Во всех народных культурах вода имеет универсальное значение и обладает амбивалентностью. В мифах первотворения вода транслируется как первая стихия мироздания: «В начале земли не было, а была лишь сплошная вода-море» [2]. Как источник всего живого, вода способствует переходу из Хаоса в Гармонию, возникновению первовещи. В обрядовой деятельности вода выступает чаще всего как средство очищения от негативного влияния и ритуальной «нечистоты».

Вместе с тем водное пространство осмысливается как граница между иным миром и миром людей, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших [3].

В якутской мифологии вода уу обладает характеристикой подземного мира. Так, по мифологическим представлениям, путь в подземное царство лежит по дороге *елюю уута* 'вода смерти'.

Примечательно, что второе значение слова уу – сон; *уулаах* – 1. сонный; 2. стельная (корова), жеребая (кобыла). Известно, что мотив сна, сонного состояния перекликается с семантикой иного мира. Так, умерший человек как бы находился в состоянии ритуального сна: *уһуктубат утуйар уутунан утуйбут* 'уснул вечным сном', иными словами, сон означал пограничное состояние между двумя мирами. Второе значение *уулаах* 'быть с зародышем' (говорят в отношении скота или кобылы) связано с женским началом.

Особую опасность вода представляла в ночное время, поэтому на ночь обязательно закрывали емкость с водой, так как считалось, что нечистая сила может «заглянуть» туда и оставить свою отрицательную негативную энергетiku. Ребенку не разрешали трогать воду, только что принесенную из озера. До сих пор бытует поверье о том, что стирать детскую одежду или купать ребенка можно только в воде, «переночевавшей» дома, т. е. таким образом стирались инаковость и природные свойства воды.

Море. Ландшафт Якутии представлен речными и озерными водными экосистемами, но в мифопоэтической и языковой традиции как один из элементов «культуры воспоминаний» довольно часто упоминается крупнейший водный объект – море.

В мифопоэтической традиции народа саха вода/море омывает границы эпического пространства: «...если уставиться прямо на западную сторону – имеет восьмипроточное Араат-море...» [4]. Эпическое море *Араат байгал* есть край или подножье земли, под западную сторону которого скрывается / закатывается солнце [5].

В якутском языке слово «море» переводится как *байгал*. По Э.К. Пекарскому, *байагал*, *байгал* (тюрк. *байкөл*) означает море; обилие, богатство вод [6]. Другой якутский термин *далай* обозначает водный мир, многоводное море / океан, бездну *кюёх далай* – лазурную пучину, глубину [7].

Г.В. Ксенофонтов связывал данные термины с реальным природным объектом – озером Байкал [8]. В связи с этим следует отметить, что термином *далай* буряты именовали озеро Байкал – *Байгал далай* [9].

В мифопоэтическом наследии народа саха представления о море *байгал* / *далай* чаще всего связаны с Ледовитым океаном, образ которого стал одним из признаков мира мертвых, чужого и неизведанного враждебного пространства: *муустаах байгал* ‘ледяное море’.

Очистительное и священное свойство воды наглядно демонстрируется в следующем обряде, записанном Г.В. Ксенофонтовым. После мистерии (общение шамана со злыми духами) шаман просит подать ему воду «прозрачного байкала» *дьэнкэрэ байгал уута*. По правилу, воду в посуде должен поднести невинный безгрешный юноша. Прежде чем разрешить выливать воду на свои протянутые руки, шаман подвергает юношу сакральному исповеданию: «...не возился ли ты с имеющими долги полы? Не якшался ли с имеющими постели? Не ходил ли ты по пятам с имеющими одеяло? Не обнюхивался ли с имеющими подушки?» Лишь получив на все отрицательный ответ, шаман разрешает выливать воду на руки и умываться, напевая при этом «...водою прозрачного байкала смыл дочиста грязь...» и т. д. [10]. В обыденное же время осквернять и топтать священную воду не разрешалось. Совершать омовение стали только после принятия христианства.

Озеро. Эпитетом *ытык* ‘священный’ наделен следующий водный объект – озеро *кюель*, в народе иносказательно называемый *Эбэ Хотун* ‘Госпожа Бабушка’. В сакральной топографии и системе жизнеобеспечения народа саха, озеро и рыболовство занимают одно из этнодифференцирующих положений. Не случайно приезжие люди Якутию называют «страной карасей». Так, на пограничье центра и периферии сформировались оригинальные этнолокальные культурные комплексы «озерных» людей.

Согласно пространственным представлениям, озеро связано с семантикой устойчивой благополучной жизни. При выборе места жительства якуты обязательно выбирали *алаас* с маленьким водоемом, который впоследствии становился родовым озером. Рыболовство наряду с охотой в хозяйстве якутов служило значительным подспорьем, поэтому озеро *эбэ* считалось хранительницей и кормилицей рода. В мировоззрении якутов антропоморфный образ духа озера имеет двоякую сущность: так, обращение к водному объекту начинается со слов *Эбэ Хотун* ‘Госпожа Бабушка’, тогда как в промысловом культе четко обозначается дух озера мужского пола *Эрилик* господин, *Чыкчылын* старик, *Уукан* (Уукулан) господин. По представлениям якутов, от благосклонности этого духа зависел результат ловли рыбы, а от благосклонности госпожи *Эбэ* – жизнь всего рода. Реликты почитания озера и жертвоприношения в честь его духа сохранились и в современном обществе.

Так, не допускается присутствие на ловле рыбы людей, присутствовавших на похоронах (их нечистота длится 40 дней), не допускается «осквернение» орудий лова беременной женщиной. Человек после долгого отсутствия на родине обязательно приносил жертвоприношение духу-хозяйке (молочную пищу) родового озера. Кроме этого, соблюдали особые нормы поведения вблизи него: категорически запрещалось говорить вслух название озера, говорить оскорбительные слова по отношению к озеру, устраивать шумные сборища. В противном случае *эбэ* могло забирать душу человека к себе.

Крайне несчастливым знаком считалось строить жилище на берегу великого озера (*Улуу эбэ*). Народ саха верил, что озеро могло подчинить и забрать себе счастье человека, сделав его рыболовом (в социальной иерархии якутов рыбаки стояли в самом последнем ряду). Выражение «*буор балыксыт*» (рыболов) означало очень бедного человека, добывавшего пропитание только ловлей рыбы. О бедном, имеющем много долгов человеку говорили: «*ол киһи кюёлгэ киирбит*» ‘тот человек вошел в воду’, о совершенно нищем человеке – «*ол киһи кюёл буолбут*» ‘тот человек стал озером’ [11].

В мифоритуальной традиции многих народов вода выступает как жизненное начало всего сущего, но в то же время она имеет семантическую связь с Нижним миром. Возможно, выражение «*кюел буолбут*» означало, что человек «умирал» как хозяин и становился нищим. Следует отметить, что семантическая связь нищего с Нижним миром не раз отмечалась исследователями [12].

В контексте этих представлений заслуживает внимание связь воды с нечистой силой и душами умерших людей, которая широко распространена в мировой мифологии. Так, в мировоззрении якутов довольно распространен образ водяного *сюллююкюн*. *Сюллююкюн* на землю выходит в промежуток между Новым годом и Крещением. У якутов было распространено гадание у проруби (подслушивание разговора *сюллююкюнов*). Если люди не хотели, чтобы *сюллююкюн* шатался возле их дома, то бросали на дороге кресты. Считается, что *сюллююкюн* очень богат и на землю вытаскивает мешки с деньгами, но людям эти деньги не доставались, так как наутро превращались в щепки и нечистоты [13].

Река. По территории республики протекает свыше 700 тысяч рек. Основной водной и транспортной артерией является река Лена, входящая в десятку крупнейших рек мира. Следует отметить, что река Лена является и одним из важных географических символов, представляющих региональный образ территории Якутии, так как она считается колыбелью якутского народа. Именно на берегу реки Ср. Лена народ саха сформировался как отдельный этнос, заложил и распространил свою самобытную культуру.

Мифопоэтический образ духа-хозяйки реки представляется статной женщиной в богатом одеянии – праматерью всех водных объектов и покровительницей рода человеческого. Ее уважительно-почтительно называют *Эбэ Хотун* ‘Госпожа Бабушка’.

Народ саха свою локальную идентичность прежде всего связывает с речным ландшафтом. Так, этнолокальные группы якутов различаются на *бюлюю сахалара* (вилюйские якуты – по названию реки Вилюй), *дьааны сахалара* (янские якуты – по названию реки Яны), *дойду дьоно, илин энэрдэр* (центральные якуты, заречные якуты – насельники долин реки Лена). Отождествление происхождения с «водным миром», возможно, означает, что в прошлом у предков народа саха существовала высокоразвитая «водная мифология/культура». Так, в геознической панораме Якутии река Лена и ее притоки – Вилюй и Оленек, северные реки – Яна, Колыма, Индигирка являются природно-ландшафтной средой зарождения локальных культур и основным гидромаркером, формирующим национальную ментальность.

Как и все водные объекты, символика реки многогранна и полифонична. Образуя множество самых разных коннотаций, река связана со временем и пространством, с центром и границей, жизнью и смертью [14].

В пространственно-временном континууме река выступает как мифический прародитель, источник жизни и культуuroобразующий феномен. Так, являясь центром зарождения этноса и маркером-символом в механизме взаимодействия ландшафта и ментальности, река в мифоритуальном измерении определяет условные границы между мирами: живых и мертвых. Кроме того, сама река, вернее ее течение, служила дорогой в загробный мир. Так, довольно часто встречаются древние захоронения, расположенные по направлению русла реки, т. е. на север [15]. Согласно мировоззренческим представлениям якутов, душа человека отправляется в мир мертвых по воде смерти *елюю уута*. Не случайно в языке снотолкований вода трактуется как символ болезни или смерти.

Интересно отождествление в мифопоэтическом наследии быстротечной реки с табуном лошадей или великой реки Лены с образом первопредка-лошади. Обращение к фольклорно-этнографическим материалам народа саха приводит к заключению, что во всей религиозно-мифологической системе ключевым символом выступает образ лошади, т. е. следует отметить, что культ коня пронизывает и подпитывает всю матрицу культурного наследия и этнического самосознания народа саха.

В корпусе мифов об Эллэе разворачивание сюжета представлено путешествием главного героя в поисках людей и благодатной земли: «Когда (Эллэй) плыл по реке, перед ним все время рисовался образ жеребца с яркой, блестящей шерстью на крупе, а шерсть в тонкой части конечностей была с голубоватым оттенком. Этот жеребец с ржанием то и дело показывался впереди, а Эллэй следовал за ним» [16]. Другая сюжетная линия говорит о том, что Эллэй достиг новой родины, плывя на коряге, а падающая от нее на воду тень принимает вид лошади [17]. Символично и то, что, впервые ступив на благодатную землю, Эллэй находит лошадь с жеребенком.

Введение «конской» темы в ткань мифологического повествования репрезентирует сам космогонический миф о сотворении вселенной из частей лошади (ср. вода как состояние хаоса; лошадь, плывущая по воде, как элемент упорядочивания первородного хаоса; человек на лошади как символическое тождество).

Если обратиться к основному содержанию мифологической песни *Сылгы Ырыата* («О происхождении лошади по назначению небожителей»), то здесь лошадь была сотворена главным божеством якутов *Юрюнг Айыы Тойоном*: Старик *Юрюнг Айыы*, одевшись в шубу, шапку, с тросткой ходил взад и вперед и создал на верховье речки *Мастат* жеребца с жеребенком [18]. Затем то же самое сделал он в сторону речки *Ат* и появились опять-таки жеребец

с жеребенком, далее дал воздаяние в сторону речки *Киэнэ* – опять-таки появились жеребец с жеребенком. Реки здесь как бы символизируют своеобразную «ось» Вселенной и входят в сакральную топографию. Название гидронимов несет здесь особый смысл: *Мастат* имеет в основе корень *-мас* «дерево», *-ат* – «лошадь», *киэн* – «широкая, величавая». По-видимому, река здесь выступает центром мироздания, связь реки и лошади указывает на акт творения и движение по заданному направлению (жизненный путь).

Итак, духовный универсум, связанный с водными экосистемами, насыщен многогранной и полифоничной символикой. Вода выступает как доминантный символ пространства, поскольку именно она является основным ядром зарождения жизни. Символическое понимание водного ландшафта является одним из определяющих в формировании этнической картины мира народа саха. Символика воды связана, с одной стороны, с ее природными свойствами – свежестью, прозрачностью, способностью очищать, с быстрым движением, с другой стороны, с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном пространстве.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 14-38-00031).
2. Кулаковский А.Е. Научные труды. Работа по этнографии и фольклору. Якутск, 1979. С. 301.
3. Виноградова Л.Н. Вода // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 387.
4. Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым / под ред. Э.К. Пекарского. Т. 2, вып. 1. СПб., 1913. С. 2.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 1–2. М., 1958. Стб. 137.
6. Там же. Стб. 340.
7. Там же. Стб. 668.
8. Ксенофонтов Г.В. Эллейада. М., 1976. С. 338.
9. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ, 2009. С. 105.
10. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай сахалар : очерки по древней истории якутов. Кн. 2. Якутск, 1992. С. 334.
11. Горинович В.Е. Народная медицина // Архив ПФАН. 1895 г. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24. Л. 209.
12. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета : этнографические очерки. Л., 1990. С. 127.
13. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. С. 646.
14. Данилова Н.К. Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск, 2011. С. 11.
15. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. На материале традиций саха. Новосибирск, 2005. С. 217.
16. Ксенофонтов Г.В. Эллейада. С. 41.
17. Там же.
18. Песня о лошади // Архив Якутского научного центра (ЯНЦ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 926. Л. 16–19.

References and notes:

1. Research is executed at the expense of a grant of the Russian scientific fund (project 14-38-00031).
2. Kulakovskiy, AE 1979, *Scientific works. Work on ethnography and folklore*, Yakutsk, 301 p.
3. Vinogradova, LN 1995, 'Water', *Slavic antiquity*, Moscow, vol. 1, . 387.
4. Pekarskiy, EK (ed.) 1913, *Samples of folk literature Yakut collected by IA Khudyakov*, vol. 2, no. 1. St. Petersburg, p. 2.
5. Pekarskiy, EK 1958, *Dictionary of the Yakut language*, vol. 1-2, Moscow, 137.
6. Pekarskiy, EK 1958, *Dictionary of the Yakut language*, vol. 1-2, Moscow, 340.
7. Pekarskiy, EK 1958, *Dictionary of the Yakut language*, vol. 1-2, Moscow, 668.
8. Ksenofontov, GV 1976, *Elleyada*, Moscow, p. 338.
9. Sodnompilova, MM 2009, *Peace in the traditional outlook and practices of the Mongolian people*, Ulan-Ude, p. 105.
10. Ksenofontov, GV 1992, *Uraanghay sahalars: Essays on the ancient history of the Yakuts*, book 2, Yakutsk, 334 p.
11. Gorinovich, VE 1895, 'Traditional medicine', *Archive PFAN*, f. 202, inv. 1, d. 24, l. 209.
12. Baiburin, AK & Toporkov, AL 1990, *At the root of etiquette: ethnographic essays*, Leningrad, p. 127.
13. Seroshevskiy, VL 1993, *Yakutia. The experience of ethnographic research*, Moscow, p. 646.
14. Danilova, NK 2011, *Traditional accommodation Sakha people. Space. House. Ritual*, Novosibirsk, p. 11.
15. Bravina, RI 2005, *The concept of life and death in the culture of the ethnic group. On the material traditions of Sakha*, Novosibirsk, p. 217.
16. Ksenofontov, GV 1976, *Elleyada*, Moscow, p. 41.
17. Ksenofontov, GV 1976, *Elleyada*, Moscow, p. 41.
18. 'Song of the horse', *Archive Yakut Scientific Center (YSC)*, f. 5, op. 3, d. 926, l. 16-19.